

Наконецъ, если бы память о святыняхъ Палестины была дѣйствительно такъ сильна и жажда жить тамъ была бы такъ присуща еврейскому народу, то, Боже мой, сколько случаевъ было за всѣ эти 1800 лѣтъ вернуться туда и опять зажечь на старыхъ мѣстахъ.

Но народъ сознательно не желалъ этого, какъ онъ не желаетъ этого, впрочемъ, и теперь. Да, и поэтому я и считаю сiонизмъ не народнымъ. Истинная глубина еврейскаго духа противъ обособленнаго территориальнаго отечества.

Онъ не хочетъ старой игрушки государства и разъ навсегда отказался отъ нея.—Я не могу безъ умиленія вспомнить прекрасное сказаніе объ одномъ еврейскомъ мудрецѣ время паденія Іерусалима. Онъ оказалъ большую услугу Веспасіану, и тотъ предложилъ ему просить все, что угодно,—онъ все исполнитъ. Казалось-бы былъ прекрасный случай просить о снятіи осады и возвращеніи прежней свободы для страны. Но мудрецъ сказалъ:

— Позволь мнѣ съ учениками моими удалиться въ городъ Ямнію и основать тамъ школу для изученія Торы.

Дикъ и страненъ былъ этотъ отвѣтъ мудреца для озвѣрѣлаго въ походахъ и рѣзнѣ римлянина.

Но это былъ сознательный, высокой силы и красивый отвѣтъ всего народа.

Мудрецъ вѣрно понялъ сокровенную тайну духа его и требовалъ малаго на видъ. Это малое было то горчичное зерно, которое меньше всѣхъ, но которое на самомъ дѣлѣ даетъ знакъ размѣромъ большій всѣхъ.

Этотъ добровольный удѣлъ мудреца,—эта мѣна тлѣна на духовное,—есть наиболѣе величественный моментъ въ исторіи еврейства, моментъ еще недостаточно оцѣненный и, можетъ быть, еще даже не использованный самимъ народомъ.

И народъ это чувствуетъ, и всѣми силами противится, не желая ринуться въ старую авантюру, чуждую его душѣ.